

Олег Копытов

*Я в Гане — ни
шиша
в кармане...*

Олег Копытов
Я в Гане – ни шиша
в кармане... Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994402

ISBN 9785448336300

Аннотация

Странный русский профессор в странной и загадочной Африке. Богатой и бедной, приветливой и не очень. Но всегда тёплой и радостной.

Я в Гане – ни шиша в кармане...

Повесть

Олег Копытов

© Олег Копытов, 2016

ISBN 978-5-4483-3630-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупрежден – еще далеко не вооружен. Мало того – всё равно безоружен. Я понял это прямо в аэропорту Аккры. Будущий коллега Юрий писал мне: «В аэропорту будут приставать парни поднести чемодан, ни за что не соглашайтесь: потребуют немало денег»... Пока – тишь да гладь, но нельзя сказать, что божья благодать: зал выдачи багажа залом назвать трудно – это, скорее, большой тускло освещенный *навильон*, какая-нибудь бывшая оптовая база, откуда вынесли всё, оставив только вот этот замкнутый круг с унылыми чемоданами и сумками, один-два из которых периодически с ленты кто-то стаскивает. *Много пустого пространства* – позже я буду думать, что это одна из основных примет города Аккры (наверное, и вообще страны по имени Гана...) ... Впрочем, в транзитном зале аэропорта Каи-

ра тоже было много пустого пространства. Так забавно там катались на электрокарах... кто? Черт знает, то ли уборщики, то ли пограничники. Но в Каире – только на первом этаже, транзитном. На втором, где «гейты» – выходы, несмотря на глухую ночь, яблоку негде было упасть. Две русские тетечки, с которыми я познакомился в «Домодедово», одна двадцать лет прожила в Египте, Хургаде, другая столько же – вообще в Того, и знакомство с которыми, скорее, нужно было им, чем мне: ох и тяжела была их ручная кладь! – еще в Москве совершенно справедливо заметили, что главная ценность первого, транзитного этажа аэропорта Каира – редкая по нынешним временам в любых аэропортах комната для курения, а главная особенность второго – зала для вылета, что там посидеть и даже полежать-поспать можно только в молельных комнатах, к которым наш брат, конечно, отношения не имеет, а *прикинуться* правоверным мусульманином даже никакой К. Райкин не смог бы... Тетечки исчезли там же в Каире: одна мгновенно пересела на рейс на Хургаду, другая, несмотря на то, что русско-*франко*язычна, как и всякая уважающая себя русская мамам из Того (работники любых аэропортов всем иностранным языкам предпочитают английский), убедила какого-то чернявого сэра в синей форме, что, поскольку рейс из Москвы задержан не по ее вине, а по вине «Эжипт Эйр», этот самый «Эжипт Эйр» обязан бесплатно дать ей переночевать в гостинице... Я бродил между комнатой для курения и табло с надписью «Аккра –

вылет задерживается» (ну, по-английски, разумеется, просто не хочется в этой скромной повести частить латиницей, не то от кириллицы-гражданицы пустого места не останется) ... так вот, бродил я там... часа три, наверное... Нормально! Правда, когда, наконец, загорелась надпись «Аккра – открыты ворота Аш-2», черная толпа на втором этаже уверенно пошла к выходу «Аш-5»... «Тоже в Аккру? – спросил сосед по очереди на предполетный досмотр (как будто в полете можно выпрыгнуть в любом месте!) – Да, – грустно отвечаю. – Что там делать будете? – Работать профессором русского языка в Юнивёсити оф Гана. – Оу! О кей, о кей!» – и два больших пальца рук одобрительными столбиками...

Зальчик пограничного досмотра аэропорта Аккры чем-то напоминает приемный покой больницы: такой же унылый. Бланки листов прибытия раскиданы, где попало: на редких столиках, частых столбиках, на подоконниках, на полу. Ой, говорила мне мама еще сорок лет назад: не сачкуй с английского! А кому желтый паспорт предъявлять? А – вон мадам в белом халате, – ей, кому же еще. Точно! В паспорте вакцинации от желтой лихорадки у меня всё олл райт. А в листке прибытия сам пограничник чего-то зачеркивает, сам чего-то переписывает... Кстати, позже я убедился в одной любопытной вещи: Гана – страна победившей бюрократии, всяких бумажек здесь нужно заполнять дестями, кипами и даже килограммами, но сами ганцы чаще делают это авторучками, чаще с красной пастой, нередко неверные места просто за-

черкивают, а правильное пишут сверху-снизу-сбоку зачеркнутого...

Суровый крупногабаритный, высокий таможенник. Естественно, черный, да еще и весь в черном. Такого, наверное, трудно объехать. У меня в большой сумке, кроме всякой ерунды, блок сигарет «Петр Первый», я читал, что в страну можно ввозить аж до 400 сигарет, еще раз лихорадочно считаю, 10 пачек – это...

– Что у вас в сумке? – говорит.

– Мэйнли букс. Южиал букс энд электроник букс. Ай кейм ту вёк эз профессор оф Рашн лэнгвич ин Юнивёсити оф Гана.

– М-м! – одобрительно мычит высокий, крупный, уже не суровый таможенник. – Книги, профессор, о кей, о кей!

Расплывается в крайне добродушной улыбке и делает приглашающий жест к выходу...

Ну вот, наконец, проход в зал прибытия, где меня должна ждать Илдико – координатор секции русского языка Фэкулти оф модерн лэнгвиджиз... Но прежде подбегает какой-то бесенок и пытается вырвать из рук мою сумку. «Ноу!» – ору на него с улыбкой, но делая страшные глаза. Он не унимается: гив ми, гив ми, гив ми – чуть ли не в ритм и мелодию известного шлягера великой шведской поп-группы... «Уай? Ноу! Пошел к черту!» Бесенок, наконец, исчезает... А вот и Илдико – будущий босс и старая знакомая по СКАЙПу и полугодовой е-мейл переписке. «Здравствуй, Олег! Сей-

час поедem в кампус, я только заплачу за парковку»... Бесенок снова тут как тут. Между прочим, только сейчас я замечаю на его рубашке значок работника аэропорта Аккры. «Сэр, ну, может, вам всё же нужно чего-нибудь? – Ты, вот что, браток, покажи, где у вас тут можно покурить. Ай'м ноу смокинг мэни тайм. – Оу! Запросто!» Заводит за угол. Я курю с жадностью заядлого курильщика, который был лишен любимой соски час плюс шесть с половиной плюс еще часа полтора... Рядом с бесенком появляются еще два парня. «Заплатите нам пятьдесят долларов, сэр!» Ни фиги себе! Это за что же? – Ну он же показал вам, где курить! – Нету у меня долларов. – У амэрикэн мэн и нет долларов?! – Я не американец. – А кто же вы? – Ай'м Рашн! Рашн денег могу дать. Тебе это надо? Вот то-то же! Пока!..

Снова появляется Илдико. Теперь парни пытаются выклянчить денег у нее. Она отшивает их быстро и привычно. Парковка рядом, машина... хорошая машина... близко. Садимся, едем. Меня впервые поражает, как много в Аккре пустого пространства. Вокруг. Чего не скажешь о дороге. Около шести утра, а мы уже попали в небольшую пробку... Кампус близко...

Как часто наши представления о будущем не совпадают с самим будущим. Наши представления о том, что будет в путешествии, – еще чаще. Наши мечты о далеком путешествии, о его реалиях, не совпадают с самими реалиями дале-

кого путешествия никогда. Быть может, я не прав, или не совсем прав. Или сильно преувеличиваю. Но в данном случае я имею право так сказать. Я-то думал, что буду жить в эдаком маленьком одноэтажном домике в колониальном стиле. Один в небольшой квартирке. Тем паче и Илдико и Юра и писали, и говорили именно о маленькой *квартирке*. Мои мечты рисовали пальмы за окном, тихие ночи с цикадами, полыхающие рассветы с пением райских птиц на больших деревьях. Каких-нибудь полнотелых черных мадам по соседству, допустим, в соседнем двух- или трехэтажном доме, тоже с желтыми стенами и ярко-коричневыми черепичными крышами, симпатичными черными мадам, что всегда разговаривают друг с другом с улыбкой, а со мной здороваются по утрам с улыбкой широчайшей, блестя перламутровыми зубами. Жизнерадостно вешают на веревки свое белье... Иногда помогают мне готовить... Нет, более-менее готовить я и сам могу – показывают, хау кук чего-нибудь из местного вкусенького...

Илдико завела меня в большой вестибюль пятиэтажки странной и непонятной конфигурации. От вестибюля по все стороны разбегались коридоры. Чуть далее «фронт дэск» – вахты, – какая-то неприглядная большая пустая, не считая пары стульев, комната. Вместо стен – окна с раскрытыми большими жалюзи. Слева от этой непонятной комнаты был виден небольшой двор с раскидистыми деревьями типа акации, цветы – ярко-желтыми гроздьями, за деревьями

два огромных черных бака. Повернули налево. Поднялись на второй этаж. Длинный коридор. Неистребимый запах моющих средств. Слева-справа – двери в комнаты. Block 201, Block 202... и так далее. Двери —...из крашенных в цвет какашек горизонтально расположенных планок. Поцарапанных и редко, но стабильно заклеенных листочками с рекламками... Из комнат – большие окна в коридор. Закрыты большими жалюзи. Цвета какашек. Все «ставни» закрыты. Посередине коридора – широкий как бы внутренний балкон, – видны всё те же «акации» и огромные черные баки. Доходим до конца коридора. Илдико открывает блок номер 208. Дверь открывается с трудом. С шумом. Вовнутрь...

Справа от входа – прямоугольное небольшое пространство со стенкой. Стол, над ним – полки с посудой, на столе маленькая электроплитка. Слева – пространство чуть побольше, но стеночка посеред метра полтора, оттого, что боком к ней примыкает узкая кровать. Над этим барьером – решетчатый деревянный квадрат. У стены слева такой же простой светло-коричневый стол, над ним три узкие книжные полки. За барьером – кран, раковина, плоскость, в которой эта раковина тонет. Между барьером и мойкой – холодильник. Дверь на балкон. Окно во двор, закрытые жалюзи, – напротив – окно в коридор, закрытые жалюзи. Под ними – белый напольный вентилятор и сушилка для белья типа столика. Всё!

Как оказалось чуть позже, перед выходом на балкон справа – узкая дверь в санузел, где умывальная раковина вели-

чиной с чайное блюдо, унитаз, правее – вечно не работающий душ...

Илдико, как все венгерки, *тараторит*. Впрочем, у меня было всего пять знакомых венгерок, которые умели по-русски (одна, правда, говорила спокойно и была не просто симпатичной, а красивой, и вообще... но... это другая история).

Жить будешь здесь, за этот месяц я заплатила, вот тебе ключ, вот тебе местная симка с номером, а еще, знаешь, я понимаю, что тебе надо на что-то жить, зарплата у тебя не скоро, доллары обменивать в кампусе – большая проблема, возьми вот моих сто седи, нужно будет, одолжу еще, с мужем я договорилась, как понимаешь, нашу семью ты не обьешь, (со смехом) потом всё равно я с тебя всё вычту, а сейчас я убегаю, но часов в десять тебе позвонит Юра, я договорилась с ним, что он пару дней с тобой понянчится... Ой, ну вот еще проблемка: воды в кранах нет, я спрашивала: что-то со стояком, но им занимаются, здесь это бывает, но вот полный бак воды, хватит и помыться и то сё. Уже в понедельник, не забудь, у тебя первые занятия, Юра покажет где. Ну всё, всё, всё – я побежала...

Выхожу на балкон, облакачиваюсь на перила. На балконе слева что-то типа каменного столика, под ним – деревянные дверцы. Открываю – рухлядь всякая. Внизу всё тот же двор, напротив – пять таких же этажей этой же общаги с такими же балконами и стенами с окнами-жалюзи, справа – строящаяся дорога, за ней – лес. Вдалеке едва виднеется шпиль знамени-

той, во всяком случае, для тех, кто хочет примерно знать, что есть такое кампус University of Ghana, то есть по фотографиям из Яндекса и ролику из Ю Тьюба, знаменитый шпиль библиотеки.

Не жарко. Действительно: птицы в лесу поют. Будем жить?..

А пока приляжем. Я не спал сутки. Или больше.

Ложусь на кровать, не раздеваясь. В своих боевых и всепогодных черных джинсах, сиреневой рубашке, но, конечно, без пиджака. Надену ли я его здесь хоть раз? Средняя температура в Аккре и пригородах – плюс 24—26 ночью, плюс 28—30 в разгар дня. Не больше. Но и не меньше. Круглый год...

Не успела свинцовая дремота превратиться в долгожданный сон, со двора доносится истошный вопль. Твою медь! Вопль отчаянно что-то напоминает.

Беру сигаретку, выхожу на балкон. Во дворике на скамеечке – а здесь, оказывается, есть такие маленькие каменные скамеечки – сидит парень и с неповторимым вдохновением утреннего трубадура выводит а капелла шлягер из репертуара Доктора Альбана, популярного поп-певца из Нигерии, живущего, естественно, в Норвегии, но поющего, разумеется, про Африку.

Трубадур заливается час, не меньше. Я то ворочаюсь и морщусь на своей кровати, то выхожу курить и не смотрю на трубадура, поскольку сильно взрослому человеку очень

неловко смотреть на писающего мальчика.

Наконец, солист стихает. Я засыпаю... Просыпаюсь от звонка сотового телефона. Это Юрий...

Мы познакомились с ним в Москве. В посольстве Ганы в Скатертном переулке. Район с симпатичной аурой. Уютные узкие улочки старой Москвы за Никитскими воротами и зданием ТАССа. Ожидали визу. Точнее, прихода консула. Там как? Визу, при наличии приглашения на работу и двух тысяч четырехсот рублей, получить никаких проблем. Кроме одной. Прийти утром. Не рано, но и не поздно. Лучше всего часиков в одиннадцать. Отдать бумаги, сесть в вестибюле напротив вечно чем-то недовольного клерка рецепшна – похож на араба, одинаково хорошо и чисто говорит и по-русски, и по-английски, большее время ничем не занят, играет на своем сотовом в какие-то игрушки, и – ждать. Консул может прийти в те же одиннадцать. Или в час. Может в два. Может в три. Или четыре. А может вообще не прийти или не спуститься к простым смертным от своих непростых дипломатических дел...

Народу в вестибюльчике мало. Два черных. Кажется, студенты – уезжают из Москвы в Гану, или приехали из Ганы в Москву. Тетечка с пакетом, полных бумаг. Нервная. Судя по всему, работает в турагентстве. Высокий блондин в черных ботинках, с остренькими чертами лица, голубыми глазами – немного... детским, что ли, взглядом. И я...

Когда я, черт многокурящий, в очередной раз выходил по-

дымить, видать, прозвучало «проф Копитов». Юра понял, кто я... Разговорились.

Он ехал в Гану во второй раз. В первый был около месяца за свои средства, как бы с ознакомительной целью, но на самом деле – неимоверно влюбленный в Африку – правдами и неправдами добивался контракта в Университете Ганы. Моментально сдружился с Илдико. Она обещала ему контракт, несмотря на то, что он англист, а не русист, в сорок с хвостиком не кандидат наук, по-западному – не имеет де-гри Пи Ейч Ди. Илдико обещание выполнила... В тот раз говорили с Юрой часа два. Юра болтал без умолку, но мне врезалось в память только то, что бывал он и в Америке, и в Норвегии, и еще много где бывал, но хочет в Африку, Африку и только в Африку, потому что лучшее место на свете... Отгадаете с двух раз? ...Консул пришел часа в три. Полный черный клерк в ослепительно белой рубашке быстро вынес нам паспорта с визами, отсчитал деньги, покейкал... Юра, правда, на что-то обратил внимание. Быстро-быстро с ним заговорил. Успокоился. Перевел мне эту тарабарщину так, что контракт у нас на год, а виза всего на три месяца, но это не страшно: на месте будем перерегистрироваться.

Юра улетал в Аккру через два дня. Я – через две недели. Из Хабаровска до Москвы примерно такое же расстояние, как из Москвы до Аккры. Русскому с русского Дальнего Востока в столицу и окрестности не налетаешься. Даже физически тяжело на восемь с половиной часов приковать

свою задницу к узкому креслу. О ценах на билеты туда-обратно вообще помолчим... Мы договорились с Илдико, что после получения визы я еще съезжу в Питер, к своему бывшему ректору (есть такие ректора, которые не просто похожи на людей – но даже и хорошие люди, с которыми можно дружить долгие годы после их отставки, не верите?). А потом, конечно, к родителям и сестре в Великий Новгород. Тогда уж – в Гану...

Я шел по летней Москве, до боли знакомому со времен студенчества (я вам выпускник МГУ, не карандаш в стакане!) Тверскому бульвару и в который раз думал: а зачем мне всё это нужно? Куда я? Зачем я туда? Что ищет он в стране далекой? Не знает. Что кинул он в стране родной? Знает. Любимую (я не шучу!) жену. Троих детей. Надоевший, но ставший за двадцать лет *своим* город. Никчемную, но стабильную работу. Написанную, но вот уже три года не защищаемую докторскую диссертацию. Что кинул он в стране родной? Родной язык он кидает, вот что самое то! Точнее – не то. Английский я так и не выучил. Точнее – не о-сво-ил. *Своим* не сделал. Да и не делал, если честно. Мне и русского всегда хватало, чтобы самому с собой поговорить. По душам. Роман, например, написать... Обещанная зарплата в две тысячи долларов, а то и выше? При нынешних двадцати тысячах какое уж столетие деревянных рублей? То есть в три раза больше сегодняшней? Дык мне деньги по барабану... Моей жене – нет. Дочерям – нет. Все женщины не практич-

ны, но страшно прагматичны, все женщины деньги любят. А я деньги не люблю. Не верите? Но я-то себе верю! Могу и доказательства привести: деньги – самая жестокосердная, бесчеловечная вещь на свете, из-за денег не один брат брата убил...

Да нет! Всё правильно. Правильно, что добивался этого контракта. С того момента, как случайно обнаружил позицию в Интернете, четко и упорно его добивался. Списывался, заочно сдруживался с Илдико. Кучу е-мейлов отослал. Кучу анкет заполнил на треклятом английском. С помощью Олега Воробьева в основном – вечного своего друга. При помощи Гугл и ПРОМТ транслейтеров. И даже сам. Денег на поездку занял. Эти жирные коты в администрации Юни-вёсити оф Гана проезд туда-обратно не оплачивают... А может, и с зарплатой брешут?.. Да нет. Ехать надо. Рутинка год от года – хуже смерти. От рутины год от года, от отсутствия перемены мест, впечатлений, климатов – не просто черствеешь-плесневеешь, – начинаешь скукоживаться, скурвиваться, сосволачиваться, подлеть начинаешь. В лучшем случае – сопьешься. Пьянка – это ведь тоже езда в неизвестное...

Проснулся от звонка мобильного. «Я вас не разбудил? – Да, нет. – Давайте я сейчас к вам зайду, а потом пойдем ко мне. – Хорошо».

Выхожу на балкон. Закуриваю. Внутренний дворик. Там сейчас полно народу. Точнее, самые колоритные фигуры –

пять или семь женщин и девушек, которые чего-то стирают, парень возле большущего черного бака стоит, воду в таз наливает. Ну еще студенты, кто же еще, на скамейках сидят. Одна тетушка видит меня, улыбается шире широкого, кричит: «Сэр, мы можем вам постирать всё, что вам нужно!» По правде сказать, я не сразу допёр, не сразу все пазлы этой фразы сложил. Говорит вроде по-английски, но на каком-то странном английском. Некоторые слова типа «вош» – четко и ясно, а вот модальный глагол – убей меня, не «кэн», а «кан». Да и в целом мелодика фразы совсем непривычная. В общем, смесь английского с нижегородским, точнее, с каким-нибудь ашантийским. «Мадам, ай’м вэйтинг май фрэнд! Мэйби лэтте! – О кей, сэр, о кей!»

Стук в дверь. Отрываю, неслабо приложившись к незапертой двери. Грохот при этом... в русских домах соседи по лестничной клетке такому домохозяину давно бы голову оторвали...

Юра входит со своей неизменной улыбкой.

Он живет в соседнем корпусе, как две капли воды похожем на мой. Его комнатка-квартирка недалеко от главного входа. Тоже на втором этаже. Атрибуты такие же. Только не вентилятор, а кондиционер. Кровать двуспальная (с кем ему спать, когда сам мне еще в Москве говорил: ни жены, ни намека на нее). Стена-окно в общий коридор возле входной двери завешена синей занавеской с причудливым узором. Да и больше комнатка-то. Точнее – *длиннее*. Что ж! Кра-

сиво жить не запретишь. Только вот странно как-то. Ему – всего-то тьютору... ну как, это даже ниже нашего ассистента кафедры, Илдико или кто-то там еще, подобрали такую квартирку – с кондиционером, а мне – профессору – гроб Раскольников с вентилятором... Ну ладно. Мы не гордые.

Юра предлагает покормить меня обедом: у него есть суп с тунцовыми консервами и... не без гордости Юра долго рассказывает, как сам варганил котлеты. Конечно, соглашаюсь! Говорю ему: пойду на его балкон покурить для аппетита. «Покурить для аппетита?» – удивляется... Сам он не курит, и как я не пытался в скорострельных двухнедельных е-мейлах узнать у него, сколько здесь стоят сигареты и где их достать – не только не дал ответа, но и писал, что ни разу не видел в кампусе курящего человека. Ни черного, ни белого. Я ему тогда не поверил. А зря... Но об этом позже...

На балконе напротив – девушка...

Ох, блин! А как хороши ганки-то! Молодые ганочки в особенности. Редко угольно-черные, чаще такие шоколадные, – личики, улыбки, фигурки, улыбки, одеты в свои облегающие джинсики и футболки-блузки так изящно, улыбаются так мадоннисто, свои колечки-браслетики, сотовые телефончики носят так легко-тонко-уместно, походки, да все движения такие пластичные – это вам не топором срубленные америкоски, бледные спирохеты без намека на улыбку сплошь в шортах типа изношенных семейных трусов. Ганки – даром что темненькие – каким-то внутренним светом светятся,

какой-то внутренней сладостью манят... Влюблялся я там, влюблялся, чего греха таить-то. Только вот, дорогой читатель, постельных сцен или чего-то такого в этой скромной повести не жди. Не об этом повесть. Да и отыграла моя гармонь давно... мои гормоны давно отцвели, чай пятьдесят ровно, не тридцать с хвостиком, мне не только о душе *пора* подумать, *только о ней*, родной, и *думаю*...

На балконе напротив – девушка. Увидела меня, улыбнулась, ручкой мне помахала. Я ей тоже. И улыбнулся, и – свободной от сигареты – рукой помахал...

Итак, мой первый обед в Гане – дело рук Юрия. Тунцовый суп жирноват, а вот котлеты – ну почти такие я в Полтаве ел... Ну не такие, но украинистые в общем у Юры котлеты получились. На десерт – папайя.

Опять иду на балкон курить. Зову Юру с собой. Просто рядом постоять, словом перемолвиться.

– Юра, давай на «ты»!

– Олег, знаете, мне тяжело будет, когда разница в возрасте почти десять лет. Илдико вон тоже сразу на «ты» предложила, я согласился, хоть она и босс, но мы ж с ней ровесники.

– Логично.

– А еще, знаете... Вы очень много курите. Я еще в Москве заметил. Пачки две в день, наверное?

– А то и три.

– Не знаю, не знаю... Я действительно ни в прошлый раз, ни в эти две недели не видел в кампусе ни одного курящего.

Я точно не знаю, но, кажется, у них даже есть какой-то закон против курения. У них ведь цивилизация от англичан, а теперь они американцев обожают, хоть и к Англии не остыли, а там и там – законы прежде всего. Вы бы узнали у Илдико, вообще можно в кампусе курить?

– Хорошо. В понедельник спрошу...

Мое настроение, еще минуту назад взлетавшее рекордом Елены Исинбаевой, – еще не глубоко, но тупо падает...

Юра этого не может не заметить и предлагает прогуляться до «Легон Молла».

– А это у нас что?

– Молл – это торговый центр. Ну, Легон, наверное, знаете – пригород Аккры, где наш кампус, да, собственно, пол-Легона кампус и занимает.

– Конечно, идемте.

– Через часик созвонимся...

Красная земля – но мало. Зеленые лужайки, веселые зеленые пространства разнеженной под солнцем и политой нередкими и недолгими дождями стриженной мягкой травы, цветущие ярко-желтыми, ярко-красными, ярко-пурпурными цветами кусты, деревья со стволами в полтора метра диаметром, высоты неимоверной и обязательно с раскидистой кроной, листья – с чайные блюдца; дома в колониальном и псевдо-колониальном стиле: чистые желтые стены, ярко-коричневые рифленые крыши, ярко-черные аккуратные

рамы окон... Это еще кампус.

За калиткой в кирпичной стене – много пустого жаркого пространства, узкая автомобильная дорога со сплошным потоком машин. Какие-то убогие у стен жалкого серого кирпичного забора, чем-то торгующие, просто стоящие, сидящие. Улыбок чего-то нету. Вообще-то есть, но мало. Разговоров много. На всё том же странном англоподобном. «Юра, а как мы дорогу-то перейдем? – Да вот не знаю, я здесь еще ни разу не ходил. Со стороны центра кампуса есть выход в Легон, целые ворота, арка такая, вот там если идти, эту дорогу переходить не надо... А здесь...»

А здесь я беру инициативу в свои руки. Немного прошли – две остановки микроавтобусов (без окон без дверей, очень узких, с мальчишкой контролёром-распорядителем) друг против друга. Издали вижу, что именно в этом месте кто-нибудь на свой страх и риск всё же дорогу перебегает, движение-траффик при этом остаётся в силе, но перед перебегающим машины чуть-чуть, но тормозят...

Перебрались. Десяток метров вперед – большая заасфальтированная площадка. В Аккре так много пустого пространства! Только левый край большой площадки заполнен. В три ряда длинно стоят легковушки. Белые с желтыми пятнами. Как позже окажется – новенькие такси напрокат. То есть плати немалую аренду и ишачь, сколько влезет. Желających – здесь – ни разу не видел. Хотя такси и в Аккре, и в Легоне, и даже в кампусе – пруд пруди. Нормального общественно-

го транспорта-то в двухмиллионном городе нету. Больших автобусов каких-нибудь. А на маршрутках сильно не наездишься... Белым, кстати, в эти, по местному, «тро-тро» влезать вообще как бы запаadlo...

Итак, перед нами «Легон Молл». Он занимает всё нижнее пространство внушительного высокого здания стекла-бетона. Слева – зелено нестрижено высоко поле. В Аккре так много пустого пространства! Справа – железный решетчатый заборчик, за ним высочайшие деревья и какие-то низкие домики: как потом окажется – здесь один из краёв университетского госпиталя.

Внутри «Легон Молла» – вожденная сильная прохлада, видать, от очень сильных кондиционеров, целый городок продуктовых полок, колонн даже, колонниц! Тронной стеной – мясной ряд... И цены! Цены! Москва, а тем более Питер с Киевом отдыхают. Сеточка картошки в полкило – почти триста рублей, ежли перевести седи в рублики. Юра говорит, что в кампусе есть магазин, где очень дешевые крупы, макароны, сахар, хлеб. Но никакого мяса там нет. Беру четыре чикен легз: без мясного или хотя бы куриного духа еда не еда... Ну и переходник, конечно, в маленьком отделе промтоваров: розетки здесь какие-то трехдырочные, а у меня компьютер-ноутбук, без которого, кстати, любому преподу в любой поездке делать нечего, тем более в Африке.

Идем назад, я завожу разговор на лингвистические темы. Говорю, что всю сложность бытия могут передать –

и то не совсем! — только языки синтетического типа, никак не аналитического. Английскому до русского расти и расти. Точнее, не дорасти никогда. Ну как можно передать все нюансы мира без приставок, суффиксов, окончаний?! Одними голыми корнесловами? У нас: «конь», «коняжка», «конёк», «конёчек», «конище», «кони́на», «коник», «конник», «конный», «Первая Конная», в конце концов! А в английском что? Хорс — и всё! «Не знаю, вам виднее: вы — профессор, я тьютор...» Я подозреваю, что это он от силы, а не от слабости, от разговора уходит. Он свободно владеет русским, конечно, родным украинским, польским и кучей вариантов английского — собственно британским английским, американским, австралийским, индийским, ганским... А я?

Я закуриваю, какой-то черный мужик, идущий навстречу, смотрит на меня, как на прокаженного. Это что значит?

Договариваемся с Юрой еще через пару часов сходить и в магазин на территории кампуса, то есть в тот, что попроще-подешевле. Дабы я закупился фудом получше.

Прихожу домой, разбираю сумку. Подключаю ноутбук к электросети через свежкупленный переходник. Включаю любимый «Deer Purple», ноутбук у меня звуки воспроизводит негромко, но всё равно делаю потише, стен-то здесь практически нет, соседям студентам можно помешать заниматься, да и вообще... Только сейчас замечаю, что всё в моей комнатке-квартирке в красной пыли. Такой, что здесь на дорожках-тропинках. Откуда?.. И на столах эта красная пыль.

А вот и на балконе на столе-приступочке. Мыть! Обязательно всю её смыть. Но – уже завтра. Над кирпичным забором, окружающим нашу общагу со стороны строящейся автодороги, – кругами колючая проволока. Зачем?.. А вот вообще круто! Во двор залетает птица – белый аист с ярко-желтым клювом. Только очень маленький аист. Осторожно ходит по травке между забором и стеной здания. Бегом в комнату за фотоаппаратом, зумм – щелк, еще щелк! А вон над краем леса целая стая таких маленьких аистов летает! Уже что, закат начинается? Который час? Пол-шестого.

Нет, ну прикольная жизнь началась, ей-богу прикольная, а я еще раздумывал: ехать-нет, – ехать, конечно!

Под вечер шли с Юрой по кампусу на другой его край в местный магазин. Небольшой подъем, слева – зеленое поле, справа, правда, забор какой-то стройки, дальше – учебные корпуса, теперь нередко серые, а не желтые, но всё равно необычные, множество открытых лестниц, больших балконов и целых в целый этаж балконищ, много стекла, на котором сейчас весело играет заходящее солнце, неизменные ярко-красные рифленые крыши, – цветы, цветы, цветы: на кустах, на клумбах, на малых и больших деревьях. Знаменитый желтый терем центральной библиотеки живьем, а не на фотках, еще красивее, шпиль еще острее, часы-куранты еще внушительнее; фонтаны перед зданием, правда, не работают, зато какие забавные-занятные скульптуры по бокам бассейна фонтана: от мужика со свитком в ру-

ках, эдакий местный Кирилл без Мефодия, правда, в профессорской мантии и академической прямоуголке... до девушки-футболистки в трусах и с мячом под ногами. Рядом – автомобильная ротонда-круг, в центре, все в деревьях, кустах, цветах – скульптурные парень с девушкой с факелом знаний перед собой. Серьезные. Отныне буду звать их местные «Рабочий и Колхозница» местной Веры Мухиной. Дальше какие-то совсем уж огромные пальмы. Колонны, колоссы. Конечно, длинные листья-космы наверху колышутся зелеными знаменами. Далее футбольное поле. Правда, без трибун, утопанное до множества плешин, такие «футбольные поля» у нас были в советских колхозах, с левого края растет целый ряд высочайших и раскидистых и с густой мясистой листвой (а есть здесь другие?) деревья, еще левее штуки три баскетбольные площадки одна за другой. На двух – черные парни, на одной – азиаты. Забор стройки слева. Какой-то корпус, то ли общежития, то ли учебный справа. Дорога, за ней второй магазин... Да нет. На сей раз больше похож на сельскую лавку. Печенья, крупы, макароны, леденцы, стиральные порошки, консервы на низких полочках... Зато те же печенюшки – полседи пачка, большой кирпич белого хлеба – один седи, бог ты мой, а вот чекушки виски... всего-то... сколько-сколько? Один восемьдесят? Вы представляете, чтобы в России бутылка виски, пусть трехсотграммовая, пусть индийского виски, но стоила всего-то тридцать рублей?.. Ах да, давно нужно было сказать: крошечку боль-

ше двух седи – доллар, или 1 седи это рублей 17...

Набираю рожек (рожков), спагетти, беру маленькую баночку растворимого кофе, большую булку хлеба, бутылку соевого растительного масла средних размеров, пачку сахару-песку, прихватываю пару банок тунцовых консервов. Идем с Юрой в наш хостел. Прощаемся у входа в мой, ему чуть дальше, – я отвариваю спагетти, жарю парочку «чикен легз», ем, курю, бросаюсь на кровать и мгновенно засыпаю.

Всё!

Больше ни одного *спокойного* вечера в общежитии, в Ghana Hostels Limited у меня не будет. Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц – никогда! Впрочем, как не будет в этом месте ни одного спокойного утра, дня и ночи тоже.

В полшестого меня разбудила какая-то сумасшедшая, которая ходила в трансе по двору и орала что-то во славу Иисуса Христа. Как видно, это никого не смущало. То есть было в порядке вещей. Орала не менее сорока минут. Пока ее не стали поочередно заглушать: музыка в стиле госпел из одного окна (или балкона, без разницы) – громкая музыка; музыка в стиле рэп из другого – громкая музыка, африканские барабаны из третьего, просто какой-то визг из четвертого, крики парней из вестибюля... Про включенный на всю катушку телик соседа напротив я просто молчу, вывожу его, так сказать, за скобки...

Ну не буду врать: *всеобщая* какофония в Гана Хостелс Лимитед случалась не каждый день, – но столь же часто... ка-

кое бы сравнение подобрать? Ну, допустим, как наш средне-статистический русский мужик решает пропустить стаканчик с устатку. А не всеобщая... Когда сосед напротив просто открывал свою дверь, мне казалось, что у меня в комнате, *у меня* – не у него, взорвалась шумовая граната, коими на площади Тахрир в Каире, через который я летел, еще неделю назад разгоняли демонстрантов. Когда по вечерам к соседу приходили друзья, и они просто *беседовали*, а приходили они почти каждый вечер, мне казалось, что я попал внутрь ящика телевизора, где идет с максимальным звуком он-лайн передача про восточный базар...

Н-да... Не ходите, дети, в Африку гулять...

Но не гулять же я приехал? В конце концов, есть начальство. Илдико, над ней – завкафедрой, декан, и дальше, дальше. Надо поставить в известность, написать какое-нибудь заявление. Пусть переселят в тихое место. Неужели в кампусе нет тихих мест? Пусть дороже. В два, в три, в четыре раза... Можно, наверное, снять квартиру в Аккре. А пока... Пока у меня в понедельник в семь тридцать утра занятие. Даже два подряд. С обеими группами. С которыми мне работать весь год. Доживем до понедельника. А пока... А пока – тряпку в руки, вон на балконе видел. Воды из бака не жалеть. Мыть! Всё мыть! Полы, столы, стены – всё! Ни крупинки красной пыли в моей комнате. В *моей*!

До понедельника я дожил. В воскресенье, правда, кро-

ме обнаружения перманентного шума в общежитии, меня ждала еще одна неприятность. Я не о том, что купленный давеча пакет с сахаром оказался весь в мельчайших мурашках... Заходил Юра. Как всегда много говорил. Среди прочего: «... Да, Олег, у меня тут появился хороший знакомый – я вам писал: он вообще-то работает в техническом персонале, но они сейчас на забастовке, знаете, да, он таксистом подрабатывает, ну, не важно, в общем, я его сегодня случайно встретил, точнее, он машину передо мной тормознул, ну поговорили о том о сем, я тут и спросил про курение. Вы знаете, он говорит, что курить в кампусе нельзя! – То есть как! – Ну вот он так и сказал: нельзя идти по студенческому городку и курить. А тем более нельзя в офисах. – А где можно? – Не знаю. А вы у Илдико спрашивали? – Она сказала, что свяжется со мной только в понедельник и чтобы я приходил после занятий в офис. Где этот офис-то я тоже не знаю. – Я вам завтра покажу. Позвоните после пар...»

В воскресенье я курил только на балконе. Уже не облокачиваясь на перила – сидя на столике, в полунише. Хотя на половину, но спрятавшись...

Юра, который подменял меня две недели, говорил, что у меня будут две группы. В одной 9 человек и по-русски они кое-как (или никак? – спросил я не Юру, а сам себя, точнее, свой здоровый, правда, редко просыпающийся пессимизм). Мне им вести «Деловой русский» часть первая. А вот во вто-

рой группе и всего 5 человек, и по-русски они говорят уже довольно прилично: год были в Москве – шутка сказать! Мне им читать «Деловой русский» часть вторая и лексикологию. «Так это что, у меня будут всего 4 пары в неделю? – Ну да. – Да щоб я так я жил! В России такого не бывает! – В Украине тоже...»

Маленькие сарайчики за большим корпусом Интернэшнл Хауса совсем близко: подняться от нашего мини-городка на пригорок – минут пять и ты у цели. Слева – как помните, небольшое зеленое поле, справа – я еще об этом не говорил: Юрфак на курьих ножках. Это, конечно, я так его прозвал. Это вообще-то большое солидное здание, эдакой гигантской русской буквой «Г», только не стоячей, а лежачей. Но вот короткая ножка не стоит сплошным параллелепипедом скольких-то там своих этажей, а как-то странно обрывается к концу колоннами. Короче, архитектура здесь весьма своеобразная. Ни один учебный корпус не похож на другой... Перед Юрфаком – особо ухоженные клумбы с особо желтыми, золотыми какими-то цветами... Перед Интернэшнл Хаусом поскромнее... Но какой-нибудь наш обком, или как они там сейчас называются, наверное, у себя перед фасадом не прочь бы такие клумбы-цветы иметь... Нечто такое остролистое фиолетовое с красинкой, вперемежку с просто красным.

Выходил из общежития – накрапывал дождик. Метров за десять до Интернэшнл Хауса хлынул настоящий тропиче-

ский ливень. Это как встанешь под душем и резко включишь вентиль на полную...

Итак, спускаюсь мимо левого бока большого учебного корпуса к трем черным учебным баракам, единственный жилой из них – который посередине. Там – Юра говорил, две аудитории. Моя – вторая. Захожу. Три ряда вентиляторов на потолке – вот что первым бросилось в глаза. Обычная доска для писания маркером. Учебные креслица. Они здесь везде стандартны: правый «подлокотник» широкий – книжку или тетрадку положить, писать-читать. Здесь креслица стоят не совсем ровными рядами, прямо скажем – совсем неровными... Семь тридцать, семь сорок – никого! Звоню Юре. Он смеется в трубку: «Это Гана! – знают, что придет новый преподаватель, да еще и из России, сам будет волноваться... Да придут!»... Пришли. Без десяти восемь. А ровно в восемь – Илдико в герметичном голубом плаще, естественно, с капюшоном: «Олег, иди домой переодейся, я с ними побуду. – Не стоит...»

Уж и не знаю, поняли ли эти ребята, что я им полтора часа вещал, но, думаю, как минимум я был шкоден. Они всё время улыбались. Поморщились только один раз, когда я трижды им повторил: все занятия – только на русском. Ноу Инлиш, ноу! Это, кстати, не я придумал: это как бы в принципах кафедры современных языков – к четвертому курсу студенты испанской секции слушают лекцию, говорят с преподавателем на семинарах только на испанском, фран-

цузской секции – только на французском, арабской – только на арабском, русской – только на русском. И Илдико этот принцип – сама говорила, очень уважает... «Как бы» потому что на практике сей строгий принцип мало кем из преподавателей выполняется. Ну и школяров, разумеется. Кроме тех студентов, кои побывали год в стране изучаемого языка, на сим языке практически не шпрехают... Это ведь не филфак в собственном соку. Студенты по основной специальности – не лингвисты, а социологи, экономисты, юристы те же... Короче, сложно здесь всё. Необычно. Запутанно. Это – Африка!

Тем не менее, слабой группе я, кажется, в целом понравился. Уходили, во всяком случае, веселые, довольные... Да и потом, скажите на милость, ну неужели без малого тридцать лет проработав в разных университетах, с первого занятия не поймешь, каким ты показался именно этой группе, срастётся ли с ними? Без ложной скромности скажу: у меня за тридцать лет срасталось всегда, со всеми, без исключения...

С сильной группой, с теми, что год в Москве жили-учились, вообще была песня. То есть, натурально, я им даже спел. Ближе к концу. Что именно и как продолжительно – не помню... Выходили из сарайчика – души друг в друге не чаяли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.